

В кабинете поднимался и клубился легкий пар, разнося между двумя собеседниками густой аромат чая с отчетливой терпкой ноткой минеральной скалы.

Хэ Чанвэй сидел на резном деревянном стуле, не сводя глаз с поданной ему чалшки с прозрачным, чуть красноватым настоем. Хэ Чанвэй отлично знал о непредсказуемом и своенравном нраве Регента, и этот ночной одинокий вызов во дворец изначально не сулил ничего хорошего. В этот момент чашка, источавшая дивный аромат, казалась Хэ Чанвэю не чем иным, как очередным испытанием.

— Господин Хэ не смеет сделать глоток?

Чжань Сюйтань подпер подбородок одной рукой, с живым интересом наблюдая за тем, как на лице молодого чиновника сменяются самые разные выражения. Аккуратно подстриженная короткая борода вокруг его губ слегка приподнялась в едва заметной, насмешливой улыбке.

— Если Ван жалует питье, разве осмелюсь я, слуга ваш, послушаться?

Хэ Чанвэй гордо вскинул голову, и в его прохладном голосе зазвучала решимость человека, готового смотреть в глаза смерти. Пусть сыздавна верные министры идут извилистыми путями, но в нем самом столько негибкого хребта, что он ни за что не покажет ни малейшего страха перед лицом всесильного сановника. Хэ Чанвэй засучил широкие рукава зеленого халата, решительным движением выхватил чашку из чужих рук, зажмурился и запрокинул голову, разом осушив всю обжигающую жидкость до дна.

Горячая волна скользнула вниз по горлу, и его и без того напряженное тело на миг замерло в ожидании неизбежной расплаты, в ожидании, когда грянет предсказанная мучительная боль.

Один вдох.

Два вдоха.

Ожидаемого кровотечения из семи отверстий не последовало, напротив — на кончике языка и в горле разлилась поразительная сладость, густая и долгая, мгновенно прогнавшая большую часть накопившейся за день усталости. Это был не кто иной, как отборный чай Да Хун Пао с гор Уи, только в этом году поступивший из Цзянбэй в качестве дани и стоявший тысячи золотых.

Хэ Чанвэй ошеломленно открыл глаза и увидел, что Регент смотрит на него с улыбкой.

Чжань Сюйтань негромко рассмеялся.

Его широкие плечи чуть дрожали от тихого смеха. То, с каким видом этот упрямец только что собирался принять смерть, показалось Чжань Сюйтаню на редкость забавным.

Он привык к старым сановникам при дворе, которые на словах кричали о верности государю и заботе о народе, а в душе лишь подсчитывали личную выгоду, но редко встречал кого-то, кто действительно был готов поставить на кон собственную жизнь ради принципов, в которые верил.

Чжань Сюйтань поднял чайник из исинской глины и снова наполнил его чашку.

— Жизнь господина слишком дорога, и травить тебя я вовсе не намерен.

Низкий голос зрелого мужчины прокатился по тихому кабинету. Кончики пальцев Чжань Сюйтаня легко коснулись короткой бородки у рта, а в глазах сквозила пронизательность хитрого лиса.

— Нам еще предстоит разбираться счетами миллионов беженцев из Цзянбэй, и вся надежда здесь на гениальный ум господина Хэ. Если ты умрешь, кто же поможет мне переписать бюджет?

Красивое лицо Хэ Чанвэя вмиг залилось краской стыда и негодования. Его белая шея покрылась легким румянцем гнева — он и подумать не мог, что весь его пафос и благородная прямота в глазах Регента, повидавшего на своем веку немало дворцовых бурь, обернулись лишь смехотворной фарсовой сценкой.

<http://bllate.org/book/20997/2134886>